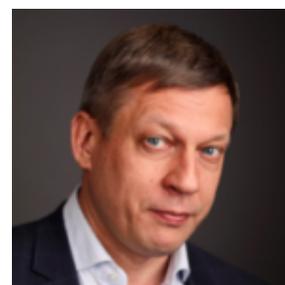

Капиталы под подозрением. «Кремлевский список» меняет восприятие бизнеса

Американцы могли сыграть на раскол бизнес-сообщества: создать две группы, участники которых волей-неволей косились бы друг на друга. Одни жались бы к Кремлю, другие парили в глобальном пространстве. Но «гуртовой» подход при составлении списка показал, что здесь все равны.

Алексей Фирсов

Публикация «кремлевского списка» серьезно меняет восприятие и самооощение российского бизнеса. Уже было много иронии по поводу создания этого продукта: взяли рейтинг Forbes, объединили с АТС-1 или данными на сайте правительства. Без гибкости, без индивидуального подхода, таргетирования. Словно не учились в бизнес-школах. Хотя возможно, именно в таком пренебрежении к индивидуальности и выразил себя жест презрения со стороны американской администрации: неинтересно копаться в ваших историях. Заработали миллиард и, по логике Сергея Полонского, идите... в пул.

Альтернативой этому простому объяснению служат более изощренные версии. Например: такой обширный список обесмысливает сам себя. Включив в него почти всю российскую бизнес-элиу, Минфин США сделал практически невозможной жесткую санкционирующую политику. Не в этом ли и состоит замысел Трампа, недовольного тем, что Конгресс отстранил его от

контроля за санкционной политикой в отношении России, – спрашивали эксперты-конспирологи.

И хотя более поздние разъяснения американской стороны дезавуировали эту позицию, все же публичный настрой пока не кажется драматичным. Фигуранты списка хранят стоическое молчание, за них говорят эксперты. Самое страшное не наступило, а значит, возможно, и не наступит.

Но как бы там ни было, какие бы детали ни скрывались в секретной части доклада, мир уже не будет прежним. Какое развитие получат теперь персональные бренды российской бизнес-элиты? Подведем предварительные итоги изменениям в картине делового мира.

Бизнес начинает делиться не только по масштабу, отраслям, качеству брендов и своим лоббистским возможностям, но и по месту в сложной иерархии санкционных рисков.

В западной интерпретации появляется простое объяснение сложному явлению. Что такое близость Путину? Это когда у тебя много денег. Следующий вывод: без Путина создать капитал в стране невозможно.

Крупный капитал априори оказывается под подозрением. Кто еще хочет видеть себя внутри Forbes?

Открытость становится признаком уязвимости. Риск-менеджмент по поводу публичной информации в бизнесе существенно вырастает.

Связи с государством и использование инструментов господдержки перестают казаться однозначным конкурентным преимуществом. Теперь они расцениваются в контексте глобальных рисков.

Но и полная нейтральность, создание бизнесов с нуля, провинциальная локация и другие моменты, казалось бы, снижающие уровень подозрений, в данном случае не сработали. Другое дело, эти факторы могут быть учтены в будущем.

Не сработали также серьезные бизнес-инвестиции ряда фигурантов

в зарубежные активы, которые должны были обеспечить позиции в западном истеблишменте. Не дали эффекта серьезные репутационные программы на Западе. Лоббистских ресурсов, созданных на их основе, оказалось недостаточно.

Возможно, у ряда предпринимателей была полноценная иллюзия: мы приняли правила игры, проделали большой путь развития, мы уже практически свои в глобальном мире. «Кремлевский список» немного выравнивает эти гиперболы.

Собственная политическая позиция, либеральная риторика и прогрессивное визионерство предпринимателей имеют минимальное значение. Здесь, правда, надо понимать отличие западной и национальной логики. В США принято считать, что если ты не согласен с проявлениями курса, то подаешь в отставку. Российский подход более компромиссный: если я уйду, то лучше не станет, а станет, скорее всего, хуже. Поэтому надо стиснуть зубы, но держаться.

Есть заметные различия между первой санкционной волной (2014 года) и новым «набором». Три года назад произошла определенная героизация попавших под санкции бизнесменов: круг их был крайне узок, а мотивом давления являлась крымская история, находившаяся на волне массового энтузиазма. Кроме того, в публичном поле активно говорили об альтернативном пути – развороте на Восток, к Китаю, который стал крайне моден в тот период. Теперь подобная реакция вряд ли возможна.

Списочная история демонстрирует высокий уровень уязвимости, нестабильности российской элиты. Элита не смогла выработать встречную идею, сформулировать собственный запрос, выжидая, собираясь нырнуть под волну или занимаясь тихим и бесполезным лоббизмом. Что мы слышали последние месяцы? Разговоры о несправедливости мирового устройства.

Американцы могли поступить тоньше, сыграв на раскол бизнес-сообщества. Для этого – ограничить свой формальный метод и провести изощренную содержательную границу между теми, кто

внутри и вне круга. Так сказать, создать две группы, участники которых волей-неволей косились бы друг на друга. Одни жались бы к Кремлю, другие парили в глобальном пространстве. Однако «гуртовой» подход показал, что здесь все равны и все разобщены без лишних приемов. Разные нюансы, калибровки, имиджевые тюнинги – все это работает только до определенного уровня.

В российском публичном пространстве была запущена лишь одна компенсаторная идея, суть которой сводилась к тому, что напуганные российские бизнесмены заберут деньги с иностранных счетов и вернут их в Россию. Из этого можно сделать неплохую телевизионную картинку. Но насколько эта надежда отражает реальность?

Теоретически можно было бы также допустить, что санкции могут активировать власть на запуск серьезных институциональных изменений, нацеленных на раскрытие внутреннего потенциала страны. Однако заметная часть экспертов считает более вероятным мобилизационный подход. Возможна и реализация обоих сценариев сразу: с одной стороны, возникнет реформаторская стратегия, с другой – ряд силовых акций, призванных продемонстрировать полный контроль над ситуацией.

[Оригинал статьи Forbes](#)